

ПАТРИАРХ американской драматургии Артур Миллер совместно с Ингой Морат, готически красивой фотохудожницей, выпустил альбом "В России", с портретами Надежды Мандельштам, Василия Аксенова, Иосифа Бродского, Павла Корина.

Эта книга обошла весь мир и только у нас была запрещена к изданию. Инга раскрыла своим объективом страшную государственную тайну - количество морщин на лице Екатерины Фурцевой - министра культуры СССР той поры. Правительство пришло в ярость - пьесы Артура были сняты с репертуара.

Артур написал предисловие к американскому изданию моей книги "Ностальгия по настоящему".

Другое предисловие написал Тед Кеннеди, младший и оставшийся в живых из трех братьев, лидеров нации, на которых шла всемирная смертельная охота.

В этом предисловии он писал: "Я был с Вознесенским на его чтении в библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Это позволило мне не только почувствовать в нашей столице одного из величайших живущих поэтов мира, но также возобновить личную дружбу, которая имеет особое значение для меня и моей семьи. Во время моего визита в Советский Союз он был настолько широк, что пригласил меня домой в Москве, где я провел упоительный вечер".

Этот "упойительный вечер", вернее ночь, окончился довольно забавно.

ЖИЛИ мы тогда в высотном доме на Котельнической набережной на восьмом этаже. Лифты там скоростные, а этажи высоченные. Так вот за полночь к нам заехал Тед Кеннеди с веселым окружением - тут были и корреспондент "Тайм", и дочка посла США в СССР Кеннана - Грейс. Жена Теда Джоан играла на фортепиано из прокофьевского "Пети и волка". На следующее утро своим самолетом Тед улетал в Тбилиси. Он пригласил меня прокатиться вместе. Увы, я, конечно, отказался. Уже рассветало, когда гости собрались расходиться. Я вышел на площадку.

На площадке стоял статный body-guard - русский охранник. Нарушив обет молчания, он произнес: "Лифт не работает". Вероятно, ночью никто не пользовался лифтом, к тому же для открывания дверей у нас были особые ключи - вот он и решил, что лифт, как обычно, не работает. Я патриотично достал ключ из широких штанин. И в открытую дверь лифта набилась веселая компания. Последним впрыгнул body-guard. В лифте погас свет. Перегруз. И ехидный голосок, вероятно, Грейс, сказал: "Кто-то есть тут лишний". Все глядели на body-guarda. Он вспыхнул. Вышел. Лифт ринулся вниз.

Каково же было наше изумление, когда внизу нас встречал слегка запыхавшийся, но по-прежнему невозмутимый body-guard.

На этом удивительные вещи не кончились. Когда я вернулся, мы обнаружили забытую кем-то косметичку. Это оказалась сумочка Джоан - в ней лежали две губные помады и толстенная пачка зеленых купюр, стянута резинкой. Что делать? Долг советского человека требовал обратиться в милицию. Но я, дождавшись утра, позвонил послу. Кеннеди уже улетели. Под взглядами мировых спецслужб злополучная сумочка была передана в лимузин посла. Сейчас все это кажется смехотворным. Но тогда мы так жили.

НА этом удивительные вещи не кончились. Когда я вернулся, мы обнаружили забытую кем-то косметичку. Это оказалась сумочка Джоан - в ней лежали две губные помады и толстенная пачка зеленых купюр, стянута резинкой. Что делать? Долг советского человека требовал обратиться в милицию. Но я, дождавшись утра, позвонил послу. Кеннеди уже улетели. Под взглядами мировых спецслужб злополучная сумочка была передана в лимузин посла. Сейчас все это кажется смехотворным. Но тогда мы так жили.

СЕНАТОР Юджин Маккарти, уходя из нашей квартиры, что-то растерянно искал. Оказывается, он по американской привычке снял и оставил перед дверью калоши - такие тонкие "калоши-презервативы", которые натягиваются на подошвы. "Калоши сперли", - решил я. И представил заголовки завтрашних американских газет.

Поэт и небоскребы

Гостю я сказал: "Вероятно, это наша консьержка. Она обычно берет мыть калоши". И на всякий случай спустился к лифтерше. "Ну, конечно, я прибрала их. Решила, ты пьяный приполз и спуру их оставил перед дверью".

ОДНО из стихотворений, которые Вознесенский читал в библиотеке Конгресса, было посвящено моему брату Бобу", - написал Тед Кеннеди все в том же предисловии.

За месяц до убийства Роберта мы сидели с ним и поэтом Робертом Лоуэллом в доме у Жаклин. В тот вечер

еще тогда не понимал этого, но она, иностранка, чувствовала.

Я ей подарил свой видеом "Бабочка Набокова", которую она хотела купить на выставке. Собиралась вставить эту бабочку в стекло своей квартиры на Пятой авеню, чтобы сквозь нее был виден Центральный парк. Потом разрешила мне свозить эту бабоч-

ку на выставку в Париж, а затем в Москву, на мою выставку в Музей имени Пушкина. Когда я привез в Нью-Йорк отдавать ее, бабочка, увы, прилетела уже на похороны хозяйки.

* * *

КАК и большинство интеллектуалов, Артур не жаловал тогдашнего президента Рейгана. Он помнил его со времен маккартизма.

Жил я тогда в нью-йоркском отеле "Челси", куда меня Артур Миллер и поселил. Паспорт мой был на продлении в нашем посольстве в Вашингтоне. Я ожидал звонка - продлили или нет. Раздался звонок из Вашингтона:

- Говорят из Белого дома. Президент Рейган приглашает вас на беседу в четверг, в Овальном кабинете. Вы согласны?

Тогда был пик худших отношений между нашими державами. Только что Рейган называл нашу страну импе-

королевы. Гость и хозяин сели на них. Остальные - среди них я заметил Буша, он тогда был директором ЦРУ, Макфарлейна, Джека Мэтлока, - разместились на двух овальных диванах пониже уровнем.

Все они были в темных вечерних костюмах, только президент и я - в светло-сером. Ради державы я даже нацепил галстук, расстегнутый воротничок под приспущенным углом должен был символизировать независимость.

Повеяло историей. У гостя появилась дрожь в коленках.

- Где вы шили свой пиджак? Очень элегантный, - начал беседу президент.

Я не мог патриотично соврать, как подобало бы советскому гражданину: мол, конечно, Москвошвей. Ведь они могли лейбл посмотреть.

- От Валентино, - честно признался я.

- У меня есть такой же, в клетку, но поярче.

- Сейчас уже поярче не носят, господин президент, - пошутил я.

Напряжение разрядилось. Опытный хозяин знал, как снять его. Он не был похож на ковбойского персонажа, которого играл в теледзели с Кеннеди. И через пять минут почувствовал, что нахожусь уже под обаянием его харизмы. Беседа шла о культуре, хозяин был осведомлен об интересах гостя. Американское политбюро не проронило ни слова. Среди беседы я спросил: "Кто из русских классиков больше повлиял на формирование вашего характера в молодости - Толстой, Достоевский или Чехов?"

- В юности я читал классиков мировой литературы, - последовал ответ.

Прощаемся. "Вы куда сейчас, в аэропорт?" - "Нет. Я заеду в посольство. Там мой паспорт на продлении". - "Возьмите мой кар"...

На длинном президентском лимузине я подкатил к обалдевшему посольству. Взял паспорт. "Вас посол зовет". "Ну началось", - подумалось.

Послом тогда был Анатолий Добрынин, добросердечный, радужный к культуре человек.

- Какими судьбами?

- Да вот, у Рейгана был.

Посол побледнел: "Как так?! Вы б

предупредили, посоветовались бы".

(Да, вас предупредишь - вы бы полгода согласовывали и т. д.)

Прощаясь, Добрынин вытирал загривок платком и сокрушенно качал головой: "Ну и непредсказуемые вы, поэты".

К счастью для меня, через месяц, когда я вернулся, отношения между державами начали теплеть.

* * *

ДОЛГОЕ время спустя о Рейгане мне напомнили удары топора за моим переделкинским окном. Я проснулся оттого, что рухнул гигантский плюц, укрывающий полдома. На участке незнакомые рабочие рубили кусты. По улице красили заборы с наружной стороны. Госпожа Нэнси Рейган ехала обедать к нам на дачу. Охрана, и наша, и американская, готовила безопасный плацдарм. Мне было неловко за убогость наших арендованных у Литфонда комнат. Но все обошлось, Зоя напекла блинов, мы купили большую банку икры, что было доступно тогда. Нэнси Рейган говорила за столом о "Докторе Живаго", оглядела пастрернаковский музей и посетила переделкинскую церковь. Охранники отесняли от нашего палисадника толпу восторженных переделкинских бабушек.

Ну а когда я приехал в Рим, от Валентино мне подарили новый пиджак. За вкус, вероятно. В нем я и поздравил Артура Миллера с его 80-летием.

Андрей Вознесенский с Робертом Кеннеди.

Роберт особенно походил на Сергея Есенина, вполборота, может быть, это было предчувствие смерти. Мы все вместе сравнили фотографии его и поэта - оказалось, действительно похожи.

По телевизору в тот вечер показывали теледзель между Робертом Кеннеди и Рейганом. Живой осунувшийся Роберт Кеннеди сидел рядом с Лоуэллом в кресле и цепко вглядывался в своего элегантного виртуального бесплотного двойника на экране. Был май. В окна небоскреба с балкона самоубийственно светили белые яблони.

Об этом я и написал стихи. Электрический, импульсивный Роберт был, пожалуй, самым харизматическим лидером, когда-либо встречавшимся мне. В нем было сильнейшее биополе, магнетизм личности. Он не был для меня посторонним. Когда наши власти не выпускали меня из страны, Роберт Кеннеди послал приглашительную телеграмму. Мне сразу дали выездную визу.

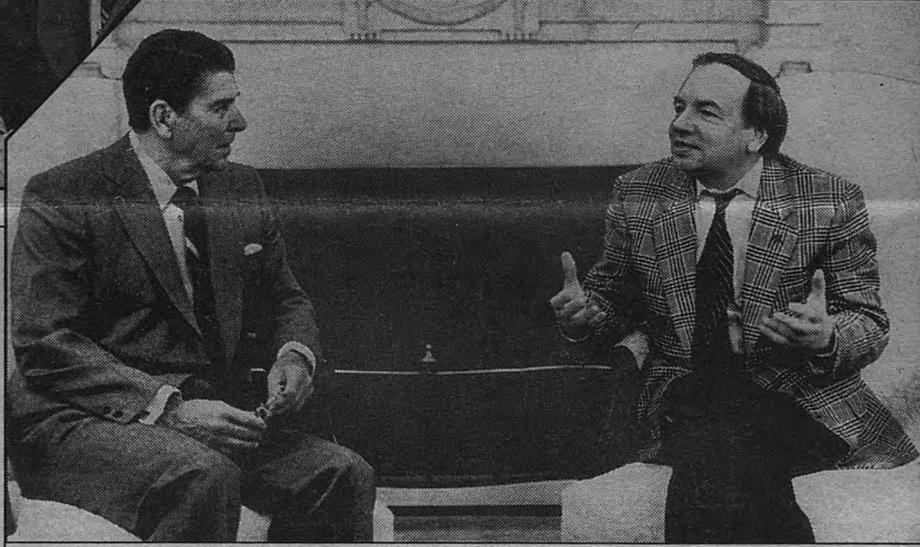
Как-то он привел меня на свою пресс-конференцию. Сначала предложил журналистам обстрелять меня, а потом уверенно разоборался с ними.

* * *

АХ, как цвели яблони на балконе американского небоскреба за окнами Жаклин...

Жаклин, уже не Кеннеди, а Она-сис, была для меня одной из самых дорогих и необходимых мне фигур западной культуры. Рафинированная европейка со звездностью и безошибочностью во вкусе, она бывала на моих вечерах, когда находилась в Нью-Йорке.

Россия была ее страстью. Она выпустила альбом "Русские костюмы". Во время распада нашей страны сказала мне: "Россию растащат, как свою добычу, соседние хищные птицы"... Я

В Овальном кабинете Белого дома.

рией зла. Я понимал, как мне врежут в Москве за этот визит. Вот еще приключение на мою голову. Я ответил:

- Я очень рад, но прошу, чтобы не было прессы и телевидения.

Трубка удивленно помолчала и обещала сообщить президенту.

Через полчаса позвонили: "Президент ждет вас".

В проходной Белого дома охрана потребовала паспорт. "Ну, тогда какие-нибудь водительские права"... Прав у меня тоже не было. Пришел секретарь, опознал меня. И сказал по дороге: "Вы, наверное, единственный, прошедший в Белый дом без документов. Впрочем, вы единственный русский писатель, которого президент принимает в Овальном кабинете".

Единственный шел и думал: "А может, это судьба не хотела пустить меня? Ну и врежут мне в Москве...". Он уже имел опыт беседы с премьером Хрущевым. Тоже единственный из писателей.

В предбаннике толпились радужные американские улыбки. Едва мы поздоровались с Рейганом, как на нас наехала телекамера и вспышки фото-репортеров: "Не волнуется, - успокоил президент, - это все для внутреннего употребления Белого дома".

Но едва мы переступили порог Овального кабинета, как все преобразилось. Передо мной застыли служители Империи, обретшие римское величие. Там у камина стоят два кресла с высокими спинками. Как для короля и